

The book cover features a vibrant green background with a purple top and bottom border. The top border is decorated with a pattern of small hearts and symbols, and a large pink heart with a yellow ribbon bow. The title 'Счастье понарошку' is written in a stylized pink font. The central illustration depicts a blonde girl in a pink and black striped crop top and blue jeans, holding a chain that forms a glowing orange and yellow loop. In the background, a boy in a green jacket stands near a building with a bridge. At the bottom, there are drawings of a bag, papers, and a burning object.

Счастье понарошку

❧ Елена Усачева ❧

Елена Александровна Усачева
Счастье понарошку
Серия «Только для девчонок»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3298245
Счастье понарошку : повесть / Елена Усачева: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-55942-8

Аннотация

Маша думала, что вот Он! Единственный, неповторимый и такой родной. Лучше и быть не может! Случайная встреча переросла в большое и светлое чувство... Или Маше это только так кажется? Олег много свободного времени проводил с девушкой, дарил подарки, был мил и любезен. Но вдруг кто-то стал ему постоянно названивать, полетели эсмэски. Неужели соперница? Маша и не подозревала, что бороться придется с куда более сильной противницей, чем другая девчонка... Но весна все расставила по своим местам.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Елена Усачева

Счастье понарошку

*...Счастье мое,
Посмотри – наша юность цветет,
Сколько любви
И веселья вокруг...*

*Радость моя,
Это молодость песни поет,
Мы с тобой неразлучны вдвоем,
Мой цветок, мой друг!*

Песня. Слова Г. Намлегина

Глава 1

Мы наш, мы новый мир построим

Щелк, щелк, щелк. Мышка под пальцами покорно проваливается, покатавшая пластиковая спинка удобно устроилась в ладони. Клавиатура, пробел – хлоп, хлоп. И не глядя на мышку – щелк. Фотографию удаляем. Неудачная.

Пробел, еще пробел. Стоп. Эту надо отправить Юльке.

Вода в реке Катунь ледяная, но Олег все равно пошел купаться. С разбегу. Сильно оттолкнулся, изящной дугой прошел по воздуху. Взлетели белесые брызги. Сильное течение потянуло его вниз, но он боролся с ним, плывя вперед, оставаясь на одном уровне с Машей. Она сфотографировала его в момент полета. Клево. А вот Олег выходит из воды. Улыбается. Плечи широкие. Ноги сильные. Говорит, в футбол играет, на горных лыжах катается. И еще – на лошадях.

Лошади тоже есть. Белая, с обрезанными ушами – Волга. Ее сразу дали Маше, а ему достался Черемыш. Высокий гнедой мерин, красновато-коричневый, с темными гривой и хвостом. Он умел улыбаться. Если подойти близко и ласково сказать: «Черемыш, хорошая лошадь» – мерин разворачивал в ее сторону уши, тряс мордой. И улыбался. А подходила Маша часто, потому что на Черемыше сидел Олег. Он надел черную ковбойскую шляпу, черную кожаную куртку, черные брюки. Для окончательного превращения в техасского рейнджера ему не хватало ковбойских сапог со шпорами. На нем были черные кирзовые сапоги. И это опять же было клево.

Клево, клево... Словечко-то какое! От него заразилась.

Олег Хабаров.

Олег.

Сам представился. Подошел, улыбнулся и с легким поклоном произнес:

– Олег.

Маша не помнит, ответила или нет. Потому что ее имя было неважным рядом с ним.

Село называлось Барангол. Узкая полоска земли между высоким боком хребта Гарлат и шумной Катунью. На берегу база «Царская охота». Здесь все с шиком, с размахом, даже медведь в клетке сидел. И мост через Катунь у них был собственный. Олег появился вечером в столовой. Посмотрел направо, посмотрел налево и сразу направился к их столику. Наверное, в этот момент зазвенели колокольчики и стало светлее. Вряд ли родители это заметили.

Обсуждали планы на жизнь – сплав, конная прогулка, на машине до Чекетаманского перевала, однодневный поход в горы...

И тут возник Олег. Первые несколько дней Маша не могла сказать, какой он. Сказать «красивый» – это значит с кем-то сравнить. А он был сам по себе и никакими критериями не оценивался. Волосы темные-темные, порой становящиеся совершенно черными, глаза. Он почти всегда улыбался, поэтому описать лицо было невозможно. Какое оно? С разбежавшимися морщинками от улыбки.

– Какой он? – стонала в телефон Юлька Мазурова.

Какой? Клевый!

Когда родители сказали, что купили путевку на Алтай, Маша удивилась. Все нормальные люди летом едут на море, где тепло, пальмы и песок. А ее родичей несет в резко континентальный климат, где по ночам снег и иней на листьях, а днем удушающая жара. Где если идет дождь – так это не веселенький ливень средней полосы, а тяжелый суровый поток, сносящий все на своем пути. Где рек много, но они холодные, а горизонт охраняют снеговые пики гор. Подруга Юлька тащила ее покупать купальник, а Маша заходила в отдел курток, пыталась отыскать шерстяные носки. Летом их было не найти. И тут – как в награду за терпение, за согласие на все – Олег.

– Ты один? – удивилась мама.

– Я с отцом, – спокойно ответил Олег. – Он уехал на Укок. Я его здесь жду.

– Сколько же тебе лет? – не отставала мама.

– Восемнадцать.

– Маша! – тихо позвала мама.

Наверное, у нее было очень глупое выражение лица. Мама не выдержала и пнула ее ногой под столом.

– Чего? – Голос оказался неожиданно хриплым.

Мама покачала головой.

– А мне пятнадцать, – выпалила Маша. – Мы все время здесь будем. А ты когда уезжаешь?

– Через две недели.

Захотелось завывать, упасть на пол и забиться в истерике. Она с родителями уезжает раньше.

– А ты вообще откуда? – вступил в разговор папа.

Кажется, Маша перестала дышать. И жить. Потому что если он сейчас скажет, что из Нижнего Новгорода, Воркуты или Кемерово, то она срочно переедет туда.

– Час на электричке от Москвы.

– Здурово! – выдохнула Маша, заставив всех в столовой оглянуться. Неужели она это сказала слишком громко? – А мы из Москвы.

– Я так и подумал.

Мама недовольно подняла брови. Папа хмыкнул. За один вечер они продемонстрировали весь свой арсенал по недовольству. Разве что ругаться в голос не принялись.

Ругань началась вечером.

– Ему восемнадцать! – воскликнула мама, как только они вошли в свой номер.

– Ну и что? – Маше не терпелось упасть на кровать, спрятать лицо в подушку и помечтать.

– Как что? Восемнадцать!

– Не драматизируй, – попытался остановить бурю папа. – Парень просто подошел познакомиться. Ему две недели одному здесь куковать.

– Вот именно – одному! – бушевала мама. – Маня, будь с ним осторожна.

– Хороший интеллигентный мальчик, учится на филолога. Что тебе в нем не понравилось?

– Все! – Мама ушла в ванную комнату. Хлынула в раковину вода. – Почему он не поехал с отцом? Почему остался? – Она снова стояла на пороге. В руке полотенце, треплет его.

– Он же сказал, что не любит спать в палатке и петь песни около костра.

– Но он согласился с нами поехать на лошадях!

– Один день, чтобы вечером вернуться.

– Он мне не нравится! – Хлопнула дверь. Щелкнул замок. Вода зашумела яростней.

А как он нравился Маше! Подушка об этом узнала первая.

Пока не перекинула фотки на компьютер и не засмотрела их «до дыр», пыталась представить Олега, и все видела не его, а свое настроение. Оно разливалось в воздухе нежными красками. Оно даже имело запах, но не имело конкретного лица. В самолете закрывала глаза, надеясь хоть на мгновение увидеть – не получалось. Только это странное щемящее чувство в груди – Олег.

Потом были бесконечные фотографии, и вспоминала уже по ним. Вот здесь она его сфотографировала в профиль. Олег пытается улыбнуться, но она кричит, чтобы он был серьезным. На коне, вполоборота, широкие поля шляпы затемяют глаза, и они становятся дьявольскими. Сидит на высоком камне – получился силуэт на фоне белесого неба. Ангел. Вот-вот улетит. Есть и Маша. Их группа идет конной цепочкой. На ней бирюзовая кофта и синяя выцветшая кепка. Папа позвал ее, Маша обернулась. В кадре – она, Олег и каменистая тропа. А Черемыш в этот момент, конечно же, улыбался.

Сходили на сплав. Бесконечно гуляли. Часами стояли на мосту, смотрели в мутную воду. Река бурлила, со злым остервенением вгрызаясь в опоры моста, пенно пузырилась, шипела и плевалась брызгами.

– Катунь берет начало на южном склоне Катунского хребта у горы Белуха, – негромко говорит Олег, и кажется, что это сама река о себе рассказывает. – Соединяясь с рекой Бия, становится Обью.

Маша вновь не дышала. Откуда он все это знает?

– Не смотри на меня так! – смеется Олег. – Я всего лишь прочитал в Интернете.

Все равно умный.

– Что вы делали? – каждый раз спрашивала мама, с сомнением глядя на Машу.

– Гуляли.

И только. Они безостановочно кружили по парку, стояли около реки, ходили проведать медведя, сидели в грязных местных кафешках. Он покупал ей платки с картой Горного Алтая и украшения: зуб волка на черном шнурке, коготь медведя и даже клык кабарги – редкая штука, бешеных денег стоит.

– Извини, сам добыть кабаргу я тебе не могу. Поэтому – вот. – И он осторожно обвил ее шею руками, закрепляя сзади сложный замочек шнурка.

И вновь она не дышала. И не жила. Вся она – был он. И так хотелось крикнуть, что она любит. Любит так, как никто еще в жизни не любил.

– Что вы делали? – сухо спрашивала мама.

Он рассказывал. Она рассказывала. Но больше слушала, потому что это было чудесно – его голос звучал, и ей становилось легче дышать, мир вокруг приобретал цвет и объем. Стоило ему отойти – все как-то тускнело.

Пиликнул телефон. Не останавливаясь, продолжая говорить, он достал трубку. Пришло сообщение. От кого? На секунду от возмущения помутилось в глазах. Он ее! Только! Никто больше не смеет ни писать ему, ни разговаривать с ним.

– Они пришли к погранзаставе, там связь есть, – буркнул Олег то ли Маше, то ли сам себе. – Были на могиле Кадын. Говорят, ничего особенного.

И тут телефон взорвался криком, требованием, чтобы ответили.

– Извини, – пробормотал, отходя в сторону.

Маша впервые заметила, что он чуть сутулится. До этого видела одно лицо, и вдруг он повернулся спиной. Ревность молоточками стучала в висках, в груди, в кончиках пальцев. Кто ему посмел позвонить? Без ее разрешения!

Вернулся, как будто ничего не произошло, не было этих мучительных пяти минут.

– У них все хорошо. Дожди.

И снова улыбается. И снова – ее.

Вечером пришла догадка – а ведь она так и не сказала ему, что любит. Он не знает, что для себя, для своей души, для своего сердца, для своих бешеных молоточков в голове она уже все поняла. Он был ее от темных вихров на голове до пяток кроссовок. Но сам Олег пока не ведает об этом, поэтому продолжает жить своей жизнью, не представляя, что эта жизнь давно (семь дней – вечность) не его.

Утром давилась кашей, вздрагивая на жадное распахивание дверей ресторана. Он все не шел, это было обидно и радостно. Разговор откладывался.

Маша решила, что он куда-то уехал. Что внезапно вернулся отец и увез его. Что он заболел. Что ночью пошел гулять к реке, споткнулся и утонул. Чего только не придумаешь за одно мгновение.

– Маша!

Это уже был рефлекс – от звука его голоса она переставала дышать, жить, видеть.

– Пойдем! – махнул он рукой.

Что-то такое с ним было не то. Пройдя следом несколько шагов, поняла – спасжилет. Темно-зеленый.

– Будешь со мной кататься на катере?

Наверное, это было дорого – украшения, прогулки, кафе, – но кто в такие минуты думает о деньгах?

– Буду.

Хозяин катера хмыкнул, увидев их вдвоем.

– А родителей позвать не хотите? – решил он их подколоть.

– Не хотим, – спокойно ответил Олег, помог Маше сесть в качающуюся лодку. Она как вцепилась в его руку, так и не отпускала. Катер натужно загудел, вырываясь вдоль течения, а она все сжимала и сжимала его ладонь, потому что решающий момент наступал, наступил...

– Я тебя люблю, – произнесла одними губами.

Все, что происходило вокруг, понималось с некоторым опозданием – и то, что ее шепот сквозь рев мотора не слышен, и то, что она зачем-то закрыла глаза. И снова – зачем-то – очень сильно сдвинула его руку.

– Что с тобой?

– Я люблю тебя, – повторила.

Катер прыгнул на бурунчик, лавка ушла из-под Маши, толкнув ее на Олега.

– Почему ты плачешь?

Кто плачет? Она плачет? И правда... плачет.

– Испугалась, – прошептала.

А он улыбался. Неужели не услышал. Она смотрела на него снизу вверх и понимала, что услышал, что доволен, что вот-вот ответит.

– Держитесь, голубки, – через плечо бросил водитель, и катер, едва не зачерпывая бортом воду, вошел в поворот. Запела, забурила вода, застонала Катунь, пытаясь проглотить хлипкую лодку, надвинулись горы по берегам, далеким эхом полетел рев мотора, будя неповоротливых местных духов алмысов.

– Что вы делали?

Они не целовались. Олег поддерживал под локоть, если был крутой спуск, слегка обнимал, прощаясь. И Маша несла это объятие в свою комнату, роняла на подушку, заворачивала в одеяло. На этом жизнь заканчивалась, начиналось ожидание следующего утра.

Впереди было расставание. Впереди была смерть. И еще мама со своим – «не нравится».

– Маша, ты уже взрослая девочка, понимаешь, что Олег тоже взрослый человек, – упирая на слово *взрослый*, говорила мама. – Он может не рассчитать свои силы. – Мама поджимала губы – они никогда не говорили на эти темы. – Тебе рано заниматься сексом.

– Мама! – Маша вставала, чтобы уйти. Какой секс? Они даже не целуются. А вдруг он ее не любит?

Ужас заставил замереть, упасть обратно на диван.

– Ну что с тобой? – с тревогой спросила мама.

И так хочется ей сказать – что! Но раньше они отмалчивались, не затрагивая болезненных тем, и поэтому сейчас Маша не знает нужных слов. Все, что говорят другие, кажется банальным и неправильным. А мама все твердит и твердит без остановки.

Первое. Надо думать об учебе. Сначала дело, потом все остальное. Они с отцом имеют хорошее базовое образование, поэтому в жизни они состоявшиеся люди, а не голодранцы, не способные купить детям мандарины и лишнюю пару обуви.

Второе. Надо думать о статусе. Девочка из приличной семьи не должна опускаться до дворовой шпаны.

Третье. Всегда думать о репутации. Конечно, молодежь нынче продвинутая: секс, наркотики, рок-н-ролл, – но жизнь одна, и нельзя совершать поступки, о которых пожалеешь впоследствии. Вот они с папой... И так далее.

А чего тут нарушать, когда все уже определено? Она и на падающие алтайские звезды загадывала, и валуны на лесных тропах, в которых живут местные духи, просила, и на перевале желание загадывала: когда клала камень в пирамиду и когда ленточку к дереву привязывала. Она бросала свое желание ветру, шептала его воде Катунь, опускалась на обрывистые утесы, молилась в жесткую холодную землю.

Пусть Олег навсегда останется с ней.

– Так не бывает, – изнывала от зависти и ревности Юлька.

Маша заставляла ее раз за разом просматривать фотографии, сотни раз обсуждать любимого.

– У него наверняка есть какой-то недостаток, – выносила свой вердикт подруга. – Он инвалид, без руки, без ноги, с искусственным глазом.

– Он инопланетянин, – соглашалась Маша и тут же испуганно спрашивала: – Он мне позвонит?

– Не позвонит, – блеяла Юлька, отъезжая на офисном кресле в угол.

– Мазурова! Я тебя убью! – кидалась к ней Маша.

– Степанова! Тебя посадят, и ты его вообще не встретишь!

– Он меня дождетсЯ.

– Ага, будет носить тебе цветочки на могилку.

Подруга подкатывала на кресле к столу, задумчиво смотрела на экран ноутбука.

За лето она неплохо загорела. Румянец пробивался сквозь бледно-коричневую кожу. Маша смотрела на себя в зеркало. У нее тоже есть загар, кирпично-красный, с обгоревшими щеками и кончиком носа. Алтайский. За один день ухитрилась сгореть, когда ездили на лошадях.

На лошадях...

В животе что-то больно скручивало, хотелось зажаться и завывать: «Олег!»

– Когда он должен вернуться?

– Завтра.

В глазах Юльки сочувствие. Она никогда не видела подругу в таком разобранном состоянии. Степанова всегда была готова рассмеяться, быстро на все реагировала, молниеносно делала уроки и тут же звонила, теребила, требовала жизни и движения. А теперь она сидит, уставившись на фотографию, и вот-вот заплачет. Ну, парень, ну, подумаешь. Не умирать же из-за него.

– Вы хоть целовались?

Маша качнула головой. При чем здесь поцелуй! Он еще не сказал ей, что любит!

– Ему восемнадцать. Может, он понимает, что между вами пока ничего не может быть? – говорит Юлька и многозначительно поводит растопыренной пятерней.

Маша натягивает короткую юбку на колени, пытаясь прикрыться. В словах подруги ей слышится эхо маминых утверждений. Это так неприятно.

– В конце концов он свободный человек. Наверняка у него в институте масса девчонок. Вон он какой – красавчик! – И Юлька щелкает ногтем по экрану.

– Убирайся отсюда! – кидает Маша подушку.

Юлька хохочет, бросает подушку обратно.

– Хватит киснуть, пошли на улицу.

А потом началась жизнь, потому что Олег позвонил.

– Привет!

И так знакомо перехватило дыхание, знакомо замерло сердце.

– Привет! – заорала она в трубку, словно пыталась перекрыть все то расстояние, что их разделяло. Как там? Час на электричке?

– Оглушила, – смеется он, и она видит его повернутое вполоборота лицо, морщинки, разбежавшиеся от улыбки.

– Ты вернулся? – Глупый вопрос. Конечно, вернулся, раз звонит. Вернулся, чтобы навсегда остаться с ней.

– Вчера прилетел. Мои столько камней на Укоке насобирали, что еле дотащили рюкзаки.

– Здурово! – Других слов нет, голова пуста.

– К школе готова? – все еще смеется он.

– Я... – Зажмурилась, чтобы набраться храбрости. – Я соскучилась!

– Клево! – эхом отзывается Олег. – Я завтра буду в Москве. Ты где живешь?

Они еще немного поговорили, но в памяти осталось только ее безостановочное «здурово».

– А-а-а-а! – вылетела Маша в коридор. – Мама-а-а-а!

– Что такое? Что случилось? – курицей закудаhtала мама.

– Он позвонил! Он! Позвонил! Он! Завтра! Будет! В Москве!

И вдруг – как она могла забыть? – недовольный взгляд, поджатые губы.

– Ой, смотри, Маня. Будь очень осторожной.

Ну, как мама не понимает? Вообще – о чем она? Что за глупости она говорит?

Маша хватается ветровку и выбегает на улицу.

– Юлька! – вопит она в трубку. – Он позвонил! Он завтра приедет!

– Клево, – вздыхает подруга. – Ты где сейчас?

– Я бегу-у-у! – орет Маша. – Не знаю, что происходит. Мир прекрасен!

– Ну и дура, – констатирует подруга и дает отбой.

Завидует. Ей весь свет сейчас завидует. Даже воробьи. Вон они как расчирикались.

Хотелось постоянно бежать вперед и постоянно улыбаться. Хотелось превратить все красные светофоры в зеленые, чтобы было вечное движение. А еще птицы. А еще небо – бирюзовое-бирюзовое, высокое-высокое. И ветер. И машины, много-много, и все разноцвет-

ные. И все куда-то едут. Всем куда-то надо. И ей надо. Пережить день, дожидаться завтра, чтобы, чтобы...

Ночью так переволновалась, что почти не спала.

– В дом его не приглашай, – напутствовала с утра мама. – И никуда с ним не ходи!

Маша смотрела, как белесый дымок поднимается над кофейной поверхностью, пыталась вспомнить, какой сегодня день недели, хотя бы число. В голове только месяц – август. Скоро в школу. Какая мерзость!

В инете ждало письмо. От него!

Школа – ура! Август – клево! Жизнь – прекрасна!

Рассказал, где будет ждать и во сколько. Рука сама тянулась к сотовому, чтобы позвонить Юльке, чтобы она пришла, чтобы сама убедилась – он только ее! Ничей больше! И пускай все старые тетki в его институте повесятся на собственных чулках.

Наряжаться начала за два часа. Все казалось, джинсы мешковато сидят сзади, все виделось, кофточка некрасиво топорщится спереди. Рассыпала на трюмо косметику. Руки дрожат, тени ложатся криво. Посмотрела на себя и вдруг вспомнила – а он-то ее видел целую неделю ненакрашенной. Побежала умываться, закапала блузку. Но все это уже было неважно.

У него в руках розы. Бордовые стражники красоты. Это было неожиданно. Это было шикарно.

– Клево, – пробормотала она, глядя в большие полураспустившиеся бутоны. Глаза поднять на него – нет, страшно, никакая сила не заставит.

– Прекраснейшей из прекрасных принцесс скромный подарок от скромного принца.

– Клево.

Розы кололись. У них были тугие крепкие листья, нагло глядящие вверх яркие головки.

– Ну раз клево, то пошли.

– Куда? – Чего это она испугалась? Что потащит к ней домой и сразу займется сексом?

– Куда-нибудь!

И снова знакомый полуоборот, знакомые морщинки от улыбки.

– Я соскучилась, – выдохнула, чтобы в сотый раз не сказать: «Клево».

– Я тоже, – легко уронил он. – На Алтае было хорошо. У тебя фотки получились? Кинешь мне на диск?

Они все шли и шли, именно так, как и хотел Олег, – куда-нибудь. По бульварам, до церкви, через кладбище, в парк. Там стаями носились голуби, скакали белки, недовольно цокали, требуя орешков. В парке катались на лодках. Цветы подвяли, потеряв свой воинственный вид, листья перестали быть тугими, бордовые головки смотрели с недовольным прищуром.

Вечером Маша сидела в комнате Юльки на подоконнике и смотрела на улицу.

– Ну кто еще из нашего класса мог такое совершить? – вздыхала она. Бессонная ночь, долгая прогулка – и вот теперь ноги гудели, голова становилась тяжелой, хотелось спать.

– Ленка рассказывала, что Костик ей дарил цветы, – подавала голос с дивана Юлька. Ей порядком надоели страдания подруги.

– Ага, гнутые ромашки, – вяло отбивалась Маша.

– Ой, да ладно! А на Восьмое марта они нас в кафе пригласили.

Маша закрывала глаза. Они сегодня тоже сидели в кафе. Ели мороженое. Маша долго не могла выбрать, и тогда он заказал все мороженое по одной порции. Чтобы она попробовала и в следующий раз знала, что заказывать.

Родной класс воспринимался как исторический фильм. Было это? Нет? Скорее – нет. Костик Ящеркин, Лешка Буслов, Борисов, Богдасаров, Кружок, Скрипочка... Ох, нет, Скрипочка – это точно фантастика. Его наверняка не существует. Почему? А просто так!

Мальчишки представлялись маленькими и глупыми. Что они могут? Толкнуть на перемене, списать на контрольной, деревянно топтаться на дискотеке, сунуть в ладонь безобразную валентинку. Все они были некрасивые и прыщавые, глупо ржали и предпочитали ходить группками, словно в одиночестве становились беззащитными. Биологичка их так и звала – «стайные животные».

– Уже показала бы своего принца. – Юлька демонстративно листает журнал. Демонстративно. Ее задевает Машина любовь.

– Мы пойдем в кино. Хочешь с нами?

– Слушать, как вы будете целоваться? Брр, гадость какая.

– Мы не будем целоваться. Мы будем смотреть кино.

Прощаясь, Олег слегка приобнял ее, тюкнул носом в макушку. Ей бы поднять голову, потянуться за нормальным поцелуем, но Маша застыла, чувствуя, что внутри от этого объятия, от этого прикосновения происходит настоящая буря, словно взорвалась шутиха с бабочками, и теперь сотни крошечных крылышек щекочут ее изнутри.

– И все равно у него есть какой-то дефект. – Журнал полетел в сторону. – Он биоробот и подпитывается у тебя энергией. А еще он, наверное, недееспособен, поэтому избегает девочек своего возраста.

Маша закрывает глаза. Голова кружится. От любви. От вчерашней бессонницы. От сегодняшней долгой прогулки.

Глава 2

Мы не рабы, рабы немые и глухи

Напечатала фотографии и теперь ходила везде с ним. Первого сентября тоже – вдвоем. Одноклассники разболтанно-несобренные, веселые, полные летом и солнцем. Все еще там, в каникулах, в беззаботности, еще глупо смотрятся в школьной форме, не помещаются за партами. С удивлением берут ручки, с трудом вспоминая, как их надо держать. Вертят тетради, не понимая, где у них начало. Буквы скачут мимо строчек. Слова летят мимо ушей.

– Ой, а Степанова у нас влюбилась, – томно тянет Мазурова на большой перемене.

Мальчишки глупо ухмыляются. Девчонки приторно охают.

– Зачем ты? – пугается Маша.

– А чего такого-то? Я вот не влюбилась и готова всем об этом рассказать!

И тогда Маша выпрямляется. Да, да, она влюбилась! Назло всем! На зависть всем. Он принадлежит только ей! Он ее. И он всегда с ней будет!

– А кто он?

– Откуда?

– Богат?

– Где встретились?

Пришлось доставать фотографию, краснея, рассказывать о Черемыше, о реке Катунь, о великих алтайских богах, что соединили их, о зеленом спасжилете.

Конечно, нашлись те, кто сказал, что он не красив, кто стал выпрашивать про секс, про поцелуи и про все то грязное, что в их представлении называлось красивым словом «любовь». Маша отвечала, понимая, что чем больше рассказывает, тем больше побеждает их всех, еще таких маленьких, таких глупых и недалеких, для кого любовь – это тупые обжигания в подъезде. Над ней потом шутили, зло и глупо, но все напрасно. Она сильнее, потому что не одна. Она с ним.

Летели эсэмэски. Он каждый день бывал в городе, но не всегда мог приехать. В телефоне звучал радостный ответ:

– Привет! Как живешь? Многoму научилась за день?

Маша отвечала.

– Какая ты умница! Привезу тебе шоколадку.

– Когда?

– Извини, у меня вторая линия, я сейчас перезвоню.

Сердце стучало в горле – и оттого, что разговор внезапно прервался, и оттого, что сейчас снова будет говорить.

– Я все придумал, – смеялся он через минуту. – Встречаемся завтра. Парадная одежда не требуется.

Они долго ехали, а потом сидели в полной темноте. Это был ресторан слепых. Чтобы человек почувствовал себя немножко «без глаз», в зале не было света. Поначалу от темноты перед Машей плясали цветные пятна, но потом она привыкла. Даже не так. Она перестала замечать темноту, она растворилась в ней, мир вошел в нее. Вошел вместе с Олегом. Маша долго шарилась по столу, задевая тарелки, наконец нашла его руку.

– Я люблю тебя, – прошептала, чувствуя себя героем плохой картины. – Мне очень хочется, чтобы ты со мной был всегда. Чтобы ты был мой.

Олег негромко рассмеялся.

– Что за собственнические наклонности? Откуда это в тебе? Мне казалось, современные девицы больше ценят свободу.

– Но ведь ты и есть моя свобода. Без тебя я не свободна.

Пф, сколько пафоса в ее словах. Словно в голове всплыло с десятков прочитанных книг про любовь.

– А ты меня любишь? – спросила тихо.

Темнота позволяла все. Даже такие вопросы задавать. А потом спокойно выслушивать ответ.

– Люблю.

Сердце, конечно, заколотилось (что-то оно все колотится и колотится последнее время, как бы не выпрыгнуло из груди и не убежало), но разум отметил – слишком спокойно он это сказал. Да что же она вечно всем недовольна!

– А за что ты меня любишь?

Олег был слишком хорош. Она все время чувствовала себя хуже, недостойней, а потому боялась, что он уйдет.

– За цвет волос. – Олег не убирал свою руку, позволял Маше держать себя.

– Я серьезно.

– Любят не за что-то. Ты мне просто понравилась. Как посмотрела. Как сидела рядом с родителями. За то, что ничего от меня не требуешь. За то, что ты приехала на Алтай. За то, что не боишься лошадей. Это редкое качество. Обычно девушки предпочитают моря и гламур, а ты не испугалась быть грязной в походе и жить без косметики. За то, что ты не такая, как...

Неожиданная пауза заставила повернуть голову на звук и как будто бы увидеть Олега.

– Как кто?

– Просто другая, – усмехнулся Олег. И словно соглашаясь с ним, звякнул мобильный.

Светлее не стало, значит, он не начал читать сообщение. Кто же ему там все время пишет? Мама проверяет? Здравствуй, параноя! Вот ты и пришла! Никакого мобильного нет, их отобрали при входе вместе с часам и сумками.

– И еще – не привязывай меня к себе. Твоя жизнь продолжается, моя жизнь продолжается. У каждого из нас есть что-то, что принадлежит только ему.

– Что?

Вдруг нестерпимо захотелось заплакать. Показалось – он прощается с ней. Этот ресторан – красивый жест. И даже если нет с собой телефона, эсэмэска все равно пришла!

– Ну, не знаю...

А голос такой спокойный. Наверное, убийцы так же спокойно говорят своей жертве: «Сейчас все закончится».

– У меня университет, у тебя школа. Ты же общаешься с мальчишками. Если я буду ко всем ревновать, на земле не останется мужчин.

– Они глупые! – плакала Маша, стараясь ничем не выдать себя. Но горло перехватывало, горло дрожало, всхлип остановить было невозможно.

– Глупые, глупые, – похлопал он по руке. – Но все равно, если у человека не будет личной жизни, он превратится в серую безликую массу. Станет как все. Поэтому давай не будем воровать друг у друга его личность. Мы не рабы друг друга.

Она уже почти успокоилась, но было обидно. А как же ее мама с папой? Они все время вместе, интересуются, что у кого происходит. Папа в прошлом походник, играет на гитаре, хорошо поет, мама всегда с ним. На всех праздниках, во всех отпусках. И они счастливы. Потому что вдвоем. А ей ведь тоже хочется быть «вместе» и только с ним. Знать каждый шаг, каждый поворот головы. С кем виделся, о чем говорили, что спросили на семинаре, какого цвета ручка. Каждый раз, не получая ответа на свой вечный вопрос: «Что ты делал?», она сходила с ума от ревности. Потому что ей так необходимо было знать, что он делал. По минутам.

А он не говорил. Отшучивался.

– Сегодня не могу.

– Почему?

– Занят.

– Чем?

– Делами.

От таких слов внутри у нее все взрывалось криком отчаяния. Казалось, что дела эти – другая девушка, интересное занятие с друзьями, с которыми ему хорошо и весело. Весело, потому что нет ее, а есть кто-то другой.

Стала плохо учиться. Даже не так – вообще перестала слышать, что говорят, что задают, даже цвет учебников не помнила. Оранжевые, потому что первого сентября одела их в обложки. Это все, что она сделала для школы. Ну еще тетрадки подписала. А дневника у нее не было. Не успела купить.

– Что? Это? Такое?

Мама после работы пришла непривычно поздно и бросила Маше на кровать листок, исписанный тревожно-красными чернилами. Знакомые буквы поначалу не читались, а потом сложились в неожиданное.

«Алгебра – 3.

Геометрия – 2.

История – 3.

Английский язык – 3.

Русский язык – 3.

Литература – 2...»

Дальше какой-то штакетник слов и закорючек.

Невнимательная, не слушает учителя, пропускает, грубит, не делает уроки. ЗАВЕДИТЕ ДНЕВНИК!!!

– Что это, я спрашиваю?

Слова, слова, слова.

– Я запрещаю тебе встречаться с Олегом! Я запрещаю даже имя его произносить!

А правда, что это?

Маша развернула к себе листок. «Оценки за первую четверть». Как? Уже октябрь заканчивается? Не может быть.

– Мама! – Набрала в грудь побольше воздуха. – Если у человека не будет личной жизни, он превратится в серую безликую массу. Станет как все. Поэтому давай не будем воровать друг у друга его личность. Мы не рабы друг друга.

– Что-о-о-о? – Мамины глаза незнакомо округлились. – Сейчас же позвонила своей подруге Мазуровой, взяла у нее домашние задания и села за учебники! Неделя осталась! Чтобы ни одной двойки.

Мамины слова легким весенним ветерком обвевали ее, не задевая. Конечно, она сейчас позвонит Мазуровой, но не для того, чтобы спрашивать уроки. Никакие уроки ей не нужны, если не будет Олега. Потому что она не может бесконечно складывать и вычитать. Зачем ей эти бессмысленные занятия без ее любви. Что ей страдания Наташи Ростовской? Да, той тяжело было целый год ждать своего жениха, но никто не запрещал ей это делать. Ходить тенью по дому, у всех просить: «Дайте мне его!» И все ведь с пониманием относились. А здесь что? Из-за каких-то троек столько криков. Уроки – это ведь проходящее, ненужное, сегодня выучил – завтра забыл. А Олега завтра может уже не быть. Поэтому все учебники летели в сторону, слова учителей пылью оседали на плечи.

– А ты богатый? – решила она как-то пройтись по обязательному неписаному списку, который выдали ей одноклассницы первого сентября.

– Боишься, что у меня быстро кончатся деньги?

– Нет, – заторопилась Маша. – Вообще.

– Если вообще, то у моего отца своя фирма, я для него занимаюсь переводами, поэтому деньги у меня есть. Не больше, чем у остальных, но я не трачусь на ерунду, поэтому складывается впечатление, что их у меня много.

– А машина есть?

– У меня есть тележка, я в нее впрягаю дворовых собак. Очень быстро везут.

С Олегом было хорошо смеяться. Особенно на улице, где не давили стены, где никто не шикал, потому что чужое веселье всегда кому-то мешает.

Олег появлялся не так часто, чтобы отношения могли приесться. Сходили в зоопарк и планетарий. Наступающие холода заставляли торопиться – в парк, кругом по бульварам, в музей Серебряного века. Казалось, что, встречаясь, Олег спешил все успеть, оставить о себе больше воспоминаний, чтобы надолго хватило.

– Я знаю, что с ним, – вдруг вынесла вердикт Юлька. – Он болен.

– Чем? – опешила Маша.

Она сбежала к подруге, сказав, что пошла делать уроки. Отпущенная мамой неделя истекала. Степанова на это смотрела как на игру – мама, Олег, школа. Она же сидела в партере, не вовлеченная в действие, с любопытством ожидая, что будет. Как толковый зритель, она предчувствовала, что через пару дней будет скандал, и теперь с интересом ждала, когда он начнется, кто заговорит первым.

– Чем-нибудь неизлечимым. – Юлька опять листала журнал, изображала из себя равнодушие. – Например, туберкулезом. – Сказывалось знание «Героя нашего времени», у Веры была чахотка, благородная болезнь. – Скоро помрет – берет от жизни все. Поэтому же и не целуется. Или у него лейкемия. Будет умирать долго и мучительно.

– Какая лейкемия! – не выдержала Маша. – Он совершенно здоров. У него одна болезнь – повальная мобилизация. Ему постоянно эсэмэски пишут.

– Поэтому он не целуется?

– Да целуется он!

Маше оставалось только отвернуться к окну. Вопрос с поцелуями ее очень волновал. Они были знакомы два месяца, а до недавних пор Олег ограничивался только дружескими объятиями. Но тогда, в ресторане, он ее все же поцеловал. Маша толком ничего и не поняла, настолько это было неожиданно, а главное – быстро. Вот его дыхание на ее щеке, вот сухие губы касаются ее губ, вот они решительно прижимаются и... прохлада – Олег отклонился, сел на место.

А поцеловаться так хотелось. Она теперь почему-то смотрела всем на губы и пыталась представить, как могут целоваться мальчишки. Например, одноклассники? Фантазии не хватало. Взять, например, Богдасарова, толстого увальня с пухлыми губами. М-дя... с ним стоять рядом скучно, не то что о поцелуях думать. Или Костик. Темные глаза с длинными ресницами. Ему все девчонки в классе завидуют – ресницы обалденные. А вот губы сухие, потрескавшиеся, словно он специально на них иссушающий крем на ночь кладет. Колюче, наверное. Или вот Колесников. Наверняка уже с кем-нибудь целовался. Но у него такой рассеянный взгляд, и смотрит он, когда говорит, куда-то в сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.